

DOI: 10.25629/НС.2024.11.03

УДК: 94

ВАК: 5.6.2. Всеобщая история

ВОССОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ С БССР В 1939 Г.: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Часть I

Данилович В.В.¹, Солопова О.В.²

¹Национальное собрание Республики Беларусь

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация

Период с 1921 по 1939 гг., когда земли западнобелорусского края силой оружия были включены в состав польского государства, в современной историографии трактуется как трагедия национального разъединения белорусского народа. В БССР в этот период шел процесс национально-государственного строительства в составе СССР. А западно-белорусские земли оставались в положении аграрно-сырьевого региона польского государства, испытывая экономические трудности, сталкиваясь с национальным и конфессиональным гнетом. Поэтому воссоединение западно-белорусских земель и БССР было воспринято местным населением как акт исторической справедливости.

Представленная статья состоит из двух частей. Первая часть исследования посвящена анализу причин и предпосылок заключения германо-советского договора о ненападении 1939 года, его результатов и последствий. Подробно охарактеризованы геополитические условия, в которых было принято решение о подписании этого документа, дана его оценка с учетом международной политической практики того времени, а также рассмотрено значение этого документа для советского государства.

Вторая часть статьи посвящена анализу событий, связанных с освободительным походом Красной Армии в сентябре – октябре 1939 года, в результате которого стало возможным воссоединение западно-белорусских земель и БССР. Подробно проанализирован ход событий, предшествующих походу, его причины, предпосылки, этапы, процесс установления советской власти на возвращенных территориях, соответствующего административного, общественно-политического, социального устройства на западно-белорусских землях, а также значение произошедших событий для СССР и последующего развития белорусской государственности.

Ключевые слова

воссоединение западно-белорусских земель и БССР, история Второй мировой войны, СССР, БССР, акт исторической справедливости, германо-советский пакт о ненападении, пакт Риббентропа-Молотова

Рассмотрение тематики, связанной с процессами воссоединения западно-белорусских земель с БССР в такой однозначно оценочной трактовке названия, предполагает рассмотрение предпосылок возникновения проблемы, особенности, последовательное изложение и анализ специфики событий, способствовавших ее разрешению, их влияния на историческую перспективу и сегодняшний день, процессы, обстоятельств, позволяющих выходить на уровень обобщений, и наиболее спорных узлов историографии рассматриваемого исторического периода.

Говоря в контексте обозначенной темы о предпосылках и начале Второй мировой войны, нельзя не акцентировать, что, согласно историческим работам, представляющим сегодня современную белорусскую историографию, а также глубоко укорененным в белорусском обществе представлениям об историческом прошлом, события 1921–1939 годов трактуются и воспринимаются как трагедия национального разединения белорусского народа, когда западные белорусские земли силой оружия были включены в состав польского государства (рис. 1).

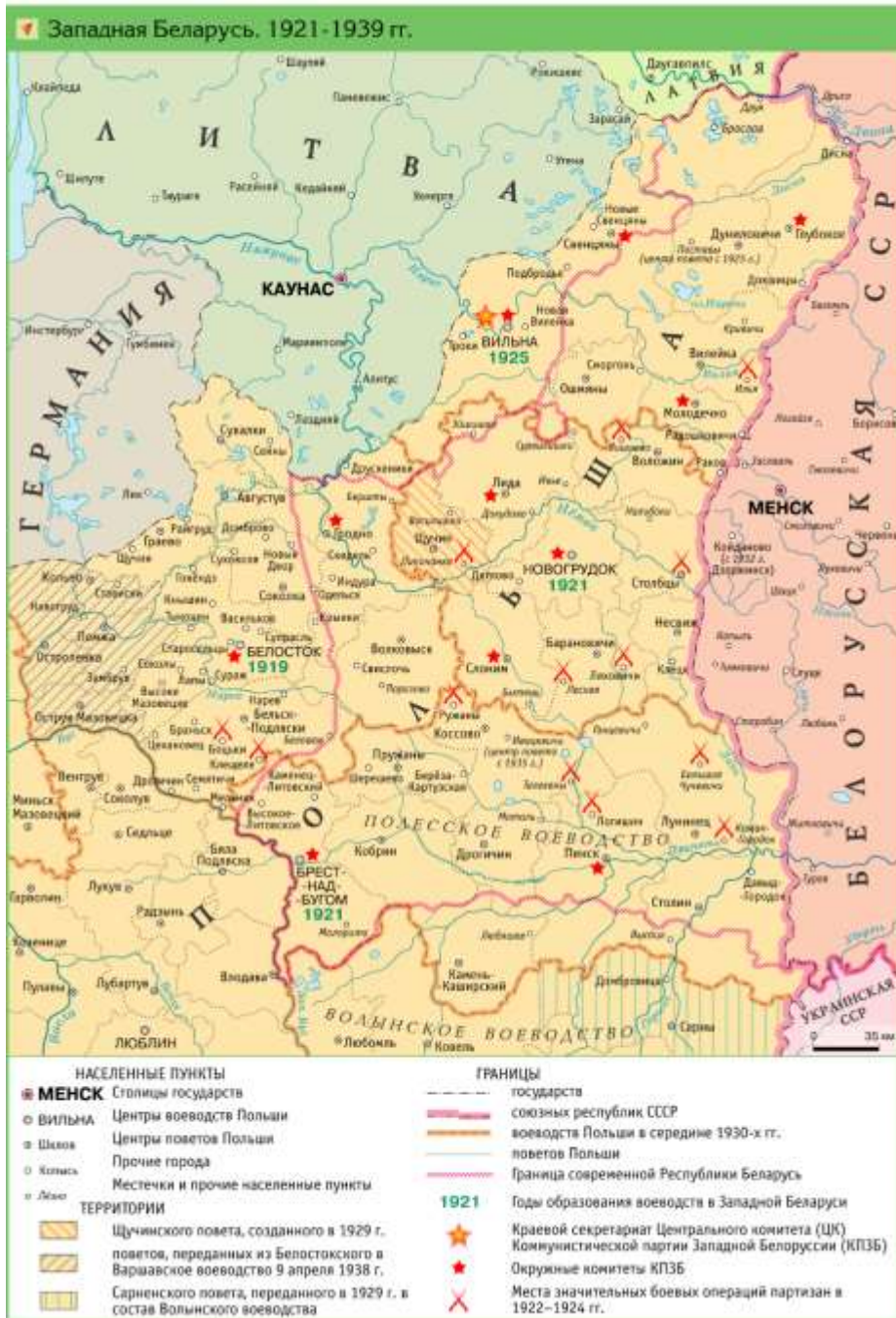

Рисунок 1 – Западная Беларусь 1921–1939 гг.

Действительно, такое положение закрепил подписанный 18 марта 1921 года в Риге делегациями Польши, РСФСР и УССР мирный договор по итогам польско-советской войны. Согласно ему, почти половина этнической белорусской территории отходила к Польше. И хотя юридически договор закрепил независимость Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) и дал определённые гарантии белорусам, оказавшимся в качестве национального меньшинства в составе польского государства, вместе с тем он заложил глубинные противоречия и породил неустойчивость в безопасности народов Восточной Европы.

В составе ССРБ осталось только шесть уездов бывшей Минской губернии (рис. 2), что оказывало негативное влияние на социально-экономическую, общественно-политическую, национально-культурную жизнь белорусов как в Советской, так и в Западной Беларуси.

Рисунок 2 – Административно-территориальное деление Советской Белоруссии 1921–1926 гг.

Тем не менее партийно-политическое руководство СССР и ССРБ, советские лидеры В.И. Ленин и И.В. Сталин своими решениями преопределили оформление белорусского национального государства на советской основе, сыграв определяющую роль в этом процессе. Создание в декабре 1922 года Союза Советских Социалистических Республик, одним из основателей которого являлась ССРБ, стало судьбоносным этапом в этом национально-государственном строительстве, как и то, что в 1924 и 1926 годах с Белорусской Советской Социалистической Республикой были воссоединены и восточно-белорусские территории, до этого находившихся в составе РСФСР.

В целом картина общественно-политической, социально-экономической и духовно-культурной жизни советского общества была чрезвычайно сложной и разнообразной. Политическая борьба в среде партийно-государственного руководства вылилась в репрессии 1920–1930-х годов, тем не менее строительство социалистической системы открыло перспективу и смысл жизни для широких народных масс. В общественном сознании поддерживалось и укреплялось «чувство единой семьи». Неотъемлемым символом нового времени стало стремление советских людей к созидательному труду, новым достижениям и рекордам в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, развитию науки и техники, культуры и образовании, укреплению обороноспособности страны.

Народ, объединенный грандиозной по своей силе и новизне идей строительства молодого советского государства как первого в истории человечества справедливого общества, демонстрировал многочисленные примеры истинного трудового героизма и самоотверженности. За невероятно короткий исторический период была подготовлена новая молодая генерация высококвалифицированных кадров, которые демонстрировали образцы трудовой деятельности в различных сферах народного хозяйства. Именно в 1920–1930-е годы был заложен необходимый и мощный фундамент, который помог выстоять в суровых испытаниях Великой Отечественной войны. При этом важно особо подчеркнуть, что массовый творческий трудовой подъём был вызван не стремлением к личной выгоде или высоким наградам, а глубокими патристическими убеждениями, желанием построить справедливое общество в общем и едином советском государстве.

Положение на западных белорусских территориях отличалось от происходящего в БССР самым разительным образом. Западная Беларусь оставалась отсталым аграрно-сырьевым регионом польского государства, что не могло не сказываться отрицательно на положении и жизни населения. Данные обстоятельства особенно ярко проявились в годы мирового экономического кризиса 1929–1933 годов. В наиболее тяжёлом положении оказалась западнобелорусская деревня, где проживало более 80% всего населения края [38, с. 30]. Крестьяне страдали от безземелья и налогового бремени. В городах из-за спада в промышленности росла безработица. Социальная напряжённость дополнялась национальным и конфессиональным гнѐтом. И это при том, что межвоенная Польша по факту являлась многонациональным государством: поляки составляли здесь только 65 % её населения [13, с. 26].

Суть внутренней политики польских властей в отношении белорусских территорий в межвоенный период можно определить кратко, но точно, как «Польша для поляков». По отношению к национальным меньшинствам попирались не только статьи Рижского мирного договора, но и положения Версальского трактата, и статьи польской Конституции. В Польше проводилась последовательная, наступательная и бескомпромиссная политика ассимиляции, которая осуществлялась методами экономической, политической, идеологической и культурной дискриминации национальных меньшинств, в том числе посредством репрессий и преследований. Польские власти осуществляли прямую политику колонизации западных белорусских земель, стремились лишить белорусов возможности развития в соответствии с их национально-культурными традициями и потребностями.

В сентябре – октябре 1939 года произошли события, которые в белорусской историографии отнесены к категории занимающих особо важное место как для Беларуси в целом, так и для осмысления исторических этапов её государственного строительства. Именно в это время был

положен конец периоду разобщения белорусского народа. Период этот характеризуется как этап восстановления исторической справедливости.

Необходимо заметить, что строительство социалистического общества в СССР вызвало серьёзную обеспокоенность у правящих элит ведущих капиталистических держав во главе с США и Великобританией на фоне формирующейся в лице советского государства реальной альтернативы капиталистической системы как «обществу наживы и потребления». Именно поэтому правящими элитами «стран западной демократии» было принято решение уничтожить Советский Союз военным способом. С этой целью ими была возвращена нацистская Германия. Разведки США и Великобритании содействовали приходу в 1933 году к власти в Германии нацистов во главе с А. Гитлером. Из примерно 40 млрд. долларов, потраченных нацистской Германией на подготовку ко Второй мировой войне, большая часть была получена от финансово-промышленных структур США, Великобритании и Франции [52, с. 125-129]. Их правители, оставляя без внимания и учёта интересы своих союзников (ярким примером чему служит судьба Чехословакии, а затем и Польши), позволили А. Гитлеру объединить в нацистском рейхе большинство европейских государств. При молчаливом согласии «стран западной демократии» Германией, Италией и Японией был создан агрессивный блок, направивший свои усилия на военное разрешение задач, обозначившихся как следствие геополитических процессов в мировом сообществе.

Естественно, что в таких геополитических условиях инициативы СССР по созданию системы коллективной безопасности на европейском континенте не нашли взаимопонимания и поддержки со стороны правящих кругов Великобритании, Франции и Польши, которые стремились достичь своей безопасности за счёт советского государства, направляя агрессию нацистской Германии и её сателлитов на Восток. Важно обозначить, что в 1933 году Польша стала вторым государством (после Ватикана), которое официально признало нацистскую Германию [39, с. 19], обеспечив ему таким образом поддержку на мировом уровне.

Убеждённость польских элит в том, что Польша является потенциально великой державой, что надо только использовать благоприятные исторические условия для закрепления этого статуса и что Европа «не даст нам погибнуть», сподвигла Варшаву на действия, увы, совершенно неподкреплённые реальными возможностями польского государства. Казалось бы, Польша должна была быть заинтересована в международных гарантиях своих границ. Однако польское руководство, не видя пока реальной угрозы со стороны своих соседей, всячески старалось не допустить усиления советского влияния в Европе, опасаясь, что такое развитие событий автоматически снизило бы и так не слишком заметное польское влияние.

Понятно, что такая позиция Варшавы не улучшала советско-польские отношения, а тот факт, что руководство Польши фактически солидаризировалось с позицией Германии, породил в Москве подозрения в наличии каких-то тайных германо-польских договорённостей. Естественно, что Польша негативно отнеслась к вступлению СССР в Лигу Наций и к заключению советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи. С другой стороны, действия Германии, которая нарушала Версальский мирный договор, не вызывали никакой отрицательной реакции в Варшаве, что также наводило иностранных наблюдателей на определенные размышления [22, с. 391-392].

Однако судьба польского государства была predeterminedена до подписания германо-советского договора о ненападении. Ещё в начале апреля 1939 года А. Гитлер отдал приказ о разработке плана военного разгрома Польши под кодовым названием «Вайс» [50, с. 326-329]. Согласно этому плану, начало военных действий против Польши было обозначено на конец августа – начало сентября 1939 года. Уже 28 апреля Германия аннулировала договор с Польшей о ненападении, а германский генштаб приступил к заключительному этапу разработки плана «Вайс». Главнокомандующий германскими сухопутными силами генерал В. Браухич 15 июня 1939 года подписал директиву о нападении на Польшу.

Агрессивный настрой гитлеровского политического руководства в отношении Польши определялся рядом внешнеполитических факторов. Этому в значительной степени способствовали мюнхенский стовор, англо-германские и франко-германские декларации, которые дали нацистской Германии полную свободу действий в отношении стран Восточной Европы. Выступая перед высшим германским военным командованием 22 августа 1939 года, А. Гитлер, оценивая политическую ситуацию в Европе, заявил: «Генерал-полковник фон Браухич обещал мне довести войну с Польшей до победного конца за несколько недель. Если бы он сказал мне, что на это потребуется два или даже только один год, я не отдал бы приказ идти вперед, вступил бы во временный союз не с Россией, а с Англией. Ведь никакой длительной войны мы вести не можем. Эти жалкие черви Даладье и Чемберлен, а я их познал в Мюнхене, слишком большие трусы, чтобы напасть в ответ. Они не выйдут за рамки блокады. А у нас против этого – наша автаркия и русское сырьё. Мой пакт с Польшей был задуман просто как выигрыш времени» [14, с. 131-133].

Необходимо заметить, что инициатива заключения германо-советского пакта принадлежала германской дипломатии. Так, 20 августа 1939 года А. Гитлер прислал телеграмму И. Сталину, в которой сообщалось, что напряжённость в отношениях с Польшей стала невыносимой и Германия намерена защищать свои интересы всеми доступными средствами (фактически это означало, что она в любом случае начнёт войну против Польши), а также предлагалось заключить договор о ненападении и принять с этой целью 22 августа (самое позднее 23 августа) министра иностранных дел Германии И. Риббентропа, который будет иметь все необходимые полномочия для составления и подписания договора [10, с. 302].

Говорить о том, что в сложившихся обстоятельствах Советский Союз стремился оттянуть сроки военного столкновения с нацистским рейхом, и ему не оставалось другого выбора, кроме как принять предложение Германии о подписании с ней договора о ненападении, без сомнения можно. Действительно, сложно не согласиться с традиционным взглядом большинства исследователей в том, что Советский Союз рассчитывал таким образом отвести от себя угрозу со стороны Германии и оказаться хотя бы на время в стороне от большой европейской войны. Летом 1939 года эта война бушевала уже на трёх континентах, и «СССР, как любая самодостаточная держава, проводил многовекторную внешнюю политику в поисках оптимального решения обеспечения своей безопасности» [31, с. 30]. Два выигранных года для подготовки своей страны к войне – это серьёзное достижение. И у Советского Союза получилось дистанцироваться на определённый срок от уже идущей европейской войны, получив «при этом значительную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах» [23, с. 188]. Два года передышки дали возможность не только отодвинуть границы государства на запад, но и раздвинуть свои временные возможности, которые были задействованы и для того, чтобы «форсировать реорганизацию и перевооружение армии и флота» [47, с. 36], а также заняться урегулированием конфликта с Японией у реки Халхин-Гол. Как известно, весной 1939 года произошли прямые военные столкновения советских и японских войск в Монголии, первоначально обернувшиеся неудачей для Красной Армии. Но к тому моменту, когда проходили переговоры с И. Риббентропом, советское государство уже могло говорить о своих решающих победах на этом направлении, что, с одной стороны, укрепляло позиции СССР в диалоге с Германией, а, с другой стороны, сам по себе заключенный пакт наносил Японии дополнительный удар, но уже дипломатический, так как лишал ее перспектив опереться или рассчитывать на союзнические отношения с А. Гитлером в противостоянии с СССР. По сути дела, Советский Союз исключил для себя перспективу войны на два фронта – в Восточной Европе и на Дальнем Востоке одновременно [46, с. 241].

Но все-таки обстоятельства, результаты и последствия произошедшего подписания были ещё сложнее. Не последнюю роль в этих процессах играла и «целеустремленность расчётов», которые И. Сталин связывал с советско-германскими экономическими отношениями. Некоторые исследователи обращают также внимание и на то обстоятельство, что И. Сталин видел в пакте «явные выгоды для политики СССР, не в последнюю очередь – экономические» [3, с. 13].

При этом нельзя не признать, что в сложившихся на тот исторический момент тяжёлых обстоятельствах советская дипломатия «поставила своеобразный рекорд высшего политического пилотажа» [3, с. 13], с одной стороны, продолжая придерживаться политики коллективной безопасности, ведя на постоянной основе переговоры с Францией и Англией о противостоянии будущей нацистской агрессии, а, с другой стороны, достигая своих отдельных и особо значимых для страны интересов в отношениях с Германией, локализованных в формат публичных «рутинных переговоров по экономическим вопросам», дополнительно используя их как «допустимое и принятое средство давления Кремля на западных партнёров» [3, с. 13]. И «именно договоренности между Москвой и Берлином в августе 1939 года заставили Англию, Францию и США принимать во внимание Советское государство при решении международных вопросов, что увенчалось после вступления СССР в войну формированием антигитлеровской коалиции» [31, с. 30].

Важно понимать и то, что подписание германо-советского договора 1939 года действительно полностью изменило в начале Второй мировой войны распорядок «планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада» [31, С. 27] положение дел, «сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу ни в начале войны, ни после победы» [31, с. 27], не позволив «изъять Восточную Европу из орбиты СССР. Именно поэтому пакт Молотова–Риббентропа 1939 года – это крупнейший провал английской стратегии за весь XX век» [31, с. 27].

Подписанный договор с Германией и секретный протокол ставили и решали одновременно еще одну важную для Советского Союза задачу. А именно: «раздел «сфер интересов» объективно ставил предел германской экспансии на Восток, ибо закрывал для Германии одновременно с разрушением Польши (возможность) решить «проблему Прибалтики». Если это предполагало захват трех малых государств, то Германия получала бы громадное стратегическое преимущество на случай войны с Советским Союзом» [46, с. 241].

Помимо этого, договор 23 августа 1939 года деконструировал сложившиеся в межсоюзнических отношениях Берлина, Рима и Токио планы. Договор фактически свёл на «нет» статью 2 секретного приложения к так называемому «антикоминтерновскому пакту» от 25 ноября 1936 года, содержавшего обязательство его участников «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения» [47, с. 36]. И ещё и поэтому Советско-германский договор 1939 года «всегда будут демонизировать» [31, с. 27].

Но вернёмся к моменту самого подписания. Германский министр иностранных дел И. Риббентроп прибыл 23 августа 1939 года в Москву. После переговоров вечером был подписан германо-советский договор о ненападении сроком на 10 лет. Одновременно был подписан «секретный дополнительный протокол». В нём в «строго конфиденциальном порядке оговаривался вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе» [10, с. 318-321]. Протокол предполагал, что в случае возможного «территориально-политического переустройства» Польши линия раздела интересов Германии и Советского Союза должна была проходить примерно по рекам Нарев, Висла, Сан.

Как следует из текста документов, соглашение давало СССР определённые гарантии безопасности. Однако, и это особенно важно акцентировать, ни сам договор о ненападении, ни приложенный к нему секретный протокол не содержали статей о военном сотрудничестве сторон и не обязывали вести боевых действий против третьих стран, либо оказывать помощь в случае участия одной из них в военном конфликте. Достигнутые договорённости между Германией и Советским Союзом не делали их союзниками ни формально, ни фактически. «Вместе с тем утверждение, что без договора о ненападении с СССР фюрер перевоплотился бы в агнца, было бы ещё большим насилием над истиной» [55, С. 90]. К слову, проводимые в то же время переговоры о подписании англо-франко-советской конвенции о взаимопомощи предполагали, что этот документ будет, в свою очередь, иметь дополнительный и ни при каких условиях не подлежащий огласке отдельный протокол. «Следовательно, секретный протокол, приложенный к советско-германскому договору, о ненападении ни по методу его составления, ни по содержанию не нарушал обычного международного права» [55, с. 94] – для своего времени, как минимум.

Германо-советский договор стал значимым дипломатическим и политическим актом, который завершал фазу предвоенного кризиса, причём являлся результатом этого кризиса, а не его причиной. Договор не представлял собой ничего экстраординарного с точки зрения политической практики и морали того времени. Особенно это заметно, если сравнить его текст с Мюнхенским пактом 1938 года. Кстати, ещё за год до заключения договора о ненападении между Германией и СССР имелось и другое секретное германо-польское соглашение о разделе Чехословакии, по которому Тешинская область должна была отойти к Польше после того, как германские войска займут Судетскую область, а 27 сентября 1938 года, в конце известного совещания в Мюнхене, Германия и Польша договорились о «демаркационной линии» на случай, если начнутся военные действия. В результате всего этого Польша получила Тешинскую область [16, с. 81].

Какие риски и потенциальные проблемы заключало в себе подписание договора для самого Советского Союза, если исходить при оценке этого события исключительно из интересов самого советского государства?

Во-первых, делая ставку в сложной и многоходовой внешнеполитической игре на Германию, за скобки выводилось то обстоятельство, что «осуществление этих намерений было напрямую связано с военно-экономической, политической, а временами даже идеологической поддержкой агрессивной политики Гитлера» [48, с. 55], а также очевидные риски, которым суждено было сбыться, а именно то, что «фюрер ... переиграл Сталина на коротком историческом отрезке времени. Поскольку главная цель внешнеполитической программы Гитлера – разгром и завоевание Советского Союза – оставалась неизменной на протяжении всего периода действия этого *de facto* «пакта еще о ненападении», то и начало ее осуществления было ускорено, прежде всего, благодаря благоприятной возможности для Германии вести почти два года войну на одном фронте» [48, С. 55], которая, с свою очередь, была создана именно этим соглашением.

Во-вторых, следствием подписания договора стало то обстоятельство, что советская внешняя политика, как и все другие составляющие внутренней политики страны, сопровождалась глубинным и системным идеологически обоснованным и выверенным пропагандистским обеспечением. Без сомнения, «постулирование дружественных отношений на дипломатическом уровне не говорило об искренности сторон, однако обязывало каждого из контрагентов предпринять соответствующие шаги, свидетельствовавшие о дружественных намерениях» [54, с. 65]. Именно в этой связи после подписания договора и заключения пакта Риббентропа-Молотова в отношении нацистской Германии в советском обществе начался период, получивший название «политкорректного вакуума» [54, с. 65]. Не отказываясь от антифашистской позиции и риторики, характерной для всех 1930-х годов, что и невозможно было осуществить, так как она «не исчерпала себя и повлияла на размышления людей» [54, с. 65], тем не менее, с августа 1939 года в советской печати стал продвигаться нарратив «благодушия» [54, с. 65], сводившийся к тому, что, согласно договору о ненападении, руководство двух стран настроены на разрешение всех возникающих вопросов «исключительно мирным путем, в порядке дружественного обмена мнениями» [54, с. 65]. Декларируемая «дружба» СССР и нацистской Германии «сбивала прицел» в отношении уже оформившихся представлений о германском фашизме как непримиримом противнике не только Советской Родины, но и всех трудящихся, «граничило с политической дезориентацией, что ... нашло свое отражение в разговорном обиходе. Германию вдруг стали называть «наш заклятый друг», а нацистов – «заклятыми друзьями» [54, с. 65].

В-третьих, имеющийся в историографии широкий диапазон оценок и трактовок мотивов, которыми руководствовался И. Сталин в августе 1939 года, отражает не только многосложность и противоречивость одновременно происходящих очевидных и неочевидных международных событий и интриг, но в ряде обстоятельств бывает сопряжен также и с определенными полярными идеологическими установками текущих, зеркальных рассматриваемым геополитических событий. Тем значимее трактовка тех исследователей, которые, опираясь на «имеющиеся сегодня документы и свидетельства» [58, с. 236-237] с уверенностью акцентируют, что на фоне очевидно буксующих советско-англо-французских переговоров, И. Сталин не мог не разглядеть подтверждение своим опасениям, «что Запад пытается умиротворить Гитлера за счет СССР» [58, с. 236-

237]. Ошибиться в том, что война Германии с Польшей неизбежно произойдет, он также не мог, как не мог ни предсказать, ни просчитать последствия этого неотвратимого события для советского государства. За исключением того, что нацистская Германия в результате этого однозначно подойдет на приграничные рубежи с СССР. Простой расчет, подписывая предложенный Гитлером пакт, особо ничем не рискуя, увеличить «советские территории и расширить пояс безопасности, отделявший СССР от набравшей обороты войны на западе» [58, с. 236-237] давал бесспорно выгодные результаты. Именно поэтому «в августе 1939 г. Сталин мог чувствовать себя победителем» [58, с. 236-237] как политик, сумевший договориться с самой крупной и дееспособной на тот момент военной силой, отложить столкновение с ней, вернуть «немалую часть территорий, утраченных Россией два десятилетия назад» [58, с. 236-237]. Да, «подписание пакта с Германией и секретного протокола бросали тень на коммунистическую репутацию СССР. Но это была сравнительно незначительная неприятность» [58, с. 236-237] в условиях выбора между плохим и очень плохим. Так что даже откровенные не друзья СССР не могли не признать, что заключенный договор отвечал интересам Советского Союза.

Итак, согласие на подписание пакта Риббентропа-Молотова стало вынужденным шагом И. Сталина, стремившегося переиграть А. Гитлера в условиях, когда Франция и Великобритания открыто тянули с заключением антигерманского соглашения с Советским Союзом, одновременно поощряя восточноевропейские аппетиты Германии. Неожиданное для Лондона и Парижа заключение советско-германского договора означало провал их стратегии, основанной на идее сраживания СССР и Германии между собой. Важно понимать, что эта выбранная И. Сталиным траектория действий «происходила из традиционной европейской политики – участие в разделах, усиление своих стратегических позиций перед будущим столкновением» [63, с. 158]. В результате полученные два года отсрочки начала войны и расширение границ на запад за счет территорий, которые Советский Союз вернул себе после их потери в Первой мировой войне, позволили СССР укрепить свою обороноспособность и избежать полной катастрофы в начале Великой Отечественной войны, а, значит, стали залогом Великой Победы над Германией и её союзниками.

Вместе со всем выше означенным, германо-советский договор о ненападении предоставил белорусам исторический шанс для решения проблемы воссоединения народа в границах Белорусской Советской Социалистической Республики, что, несомненно в исторической перспективе было важнейшим этапом на пути строительства национального белорусского государства.

Преимущественно белорусский этнический состав населения западнобелорусского края, исторические традиции борьбы против чуждой – «чужой» – польской власти за национальное самоопределение, духовные связи со своими единокровными восточнославянскими братьями на востоке во многом определили специфику объединительного процесса осени 1939 года. Реализация германо-советского договора о ненападении позволила осуществить воссоединение белорусского народа, укрепить территориальную целостность БССР, восстановить историческую справедливость.

Завышенная самооценка, чрезмерная самоуверенность, патологическая бескомпромиссность, запрограммированность на борьбу и осуществление идеи мирового господства германской нации подтолкнули А. Гитлера к подписанию 31 августа 1939 года директивы о нападении на Польшу [22, с. 198].

В ночь с 31 августа на 1 сентября 1939 года, когда вся «военная машина» Германии была готова к нападению на Польшу, германские спецслужбы провели провокационную операцию «Гиммлер». Переодетые в польскую форму эсэсовцы и узники концентрационных лагерей, которые владели польским языком, «захватили» радиостанцию в германском городе Глейвиц (ныне польский Гливице). С захваченной радиостанции прозвучал призыв на польском языке «объединяться и бить немцев», а утром 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. А. Гитлер в обращении к германскому народу всю вину за развязывание военного конфликта возложил на польское руководство [34, с. 104-105].

С первых дней войны в неё были вовлечены десятки тысяч белорусов, так как не менее 70 тыс. белорусов служили в польской армии. Несмотря на её сопротивление, германская армия, обладая значительным военным преимуществом, оккупировала до 16 сентября 1939 года большую часть Польши и даже перешла «линию Керзона» – примерную границу расселения поляков, с одной стороны, и украинцев и белорусов – с другой. Польское правительство тогда же, 16 сентября, эмигрировало в Румынию, а затем в Великобританию. Многие польские патриоты, оставшиеся верными принятой присяге, продолжали бороться, выполняя свой воинский долг. Героически сражались защитники Варшавы, которые капитулировали только 28 сентября 1939 года. Тем не менее, общее положение польских войск оказалось совершенно катастрофическим. Во второй половине сентября польской армии как организованного целого уже просто не существовало. Погибло около 66 тыс. воинов, примерно 134 тыс. получили ранения, в германском плену оказалось около 420 тыс. польских солдат и офицеров [68, р. 405-406].

Предвоенный политический кризис между крупнейшими странами мира перерос в развязанную Германией Вторую мировую войну 1939–1945 годов, которая стала самой масштабной и кровопролитной в истории человечества.

Переходя к осмыслению событий, связанных с освободительным походом Красной Армии, рассмотрим ряд фактов. После начала войны руководство СССР, несмотря на меры, предпринятые нацистской Германией по вовлечению в военные действия против Польши советских вооруженных сил, заняло однозначно выжидательную позицию. Так, 3 сентября 1939 года германский посол в СССР Ф. Шуленбург получил инструкцию из Берлина, где ему поручалось встретиться с наркомом иностранных дел В. Молотовым и выяснить, собирается ли Советский Союз выступить против польской армии и занять территорию в своей сфере влияния [67, р. 207]. Затем в Москву приходит более требовательное послание: «Мы уверены, что разобьём польскую армию в течение недели. Однако в таком случае под немецкой оккупацией оказались бы территории, которые определены в Москве как сфера влияния СССР ... Не считает ли возможным Советский Союз выступить против польских сил и занять эти территории?» [72, р. 49].

Советское руководство уклонялась от настойчивых предложений Германии. В. Молотов 5 сентября 1939 года ответил так: «Мы считаем, что время еще не наступило ... Чрезмерная поспешность может принести нам вред и способствовать сплочению наших врагов» [35, с. 21].

И. Риббентроп 9 сентября 1939 года снова послал Ф. Шуленбурга к В. Молотову. Нарком заверил посла, что советские войска ждут, пока не падёт Варшава. На следующий день он заявил Ф. Шуленбургу, что советское правительство намерено использовать продвижение германских войск, чтобы убедиться, что Польша распалась, и что Советскому Союзу необходимо прийти на помощь белорусам и украинцам [67, р. 207], четко обозначив таким образом, что главным для СССР являются не военные действия против польских войск, а динамика ситуации на территориях, населённых этническими белорусами и украинцами.

С этого времени в центральных и республиканских советских газетах начали печататься статьи о тяжёлой судьбе национальных меньшинств на восточных территориях Польши. Продвигались нарративы, связанные с необходимостью оказания срочной помощи белорусам и украинцам, так как в скором времени они могли оказаться под германской оккупацией. Одновременно с широко и оперативно развёрнутой подготовкой общественного мнения проводились и мероприятия военного характера. Так, 11 сентября 1939 года был отдан приказ о создании Украинского и Белорусского фронтов. Отныне запрещалось публикация данных о выпуске продукции в различных отраслях промышленности и о транспортных перевозках [42, л. 14].

Чтобы заставить СССР выполнять достигнутые договорённости нацистские лидеры не чувствовали себя вправе использовать политический шантаж. В Москву было направлено послание, в котором говорилось, что Германия приостановит наступление против Польши, а на её восточных землях будут созданы буферные государства – белорусское, украинское, польское.

В ответ в Берлин было направлено такое же жёсткое заявление, в котором подчеркивалось, что в случае принятия германской стороной означенного решения, Советский Союз вообще не

начнёт военных действий. Однако благоприятное для советского руководства развитие международных событий на востоке, а именно то, что 15 сентября 1939 года было заключено советско-японское перемирие, а также переход частями вермахта «линии Керзона» (14 сентября был окружён Брест, а 15 сентября пал Белосток и под угрозой захвата оказался Львов) стали решающими в изменении прежней позиции «ожидания» [21, с. 190-191].

Библиография

1. Андреев, Н.И. В дни немецко-польской войны // Годы испытаний и мужества. Сборник / Сост. и лит. обраб. воспоминаний Н.С. Орехво и Н.С. Шашкевич; Ред. коллегия: Н.Ф. Капич [и др.]; [Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС]. Минск, 1973. 415 с.
2. Барадач, Г.А. Калектывізацыя сельскай гаспадаркі ў заходніх абласцях БССР / Барадач Г.А., Дамарад К.І. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Рэдакцыя сацыяльна-эканамічнай літаратуры, 1959. 164 с.
3. Безыменский, Л.А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. – 1998. – № 3. С. 3–26.
4. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Редкол. П.У. Бровка (гл. ред.) и др. – Минск: [б. и.], 1978. — 613 с.
5. Большевик. 1939. № 21. С. 45
6. В единой семье братских народов : Материалы науч. сессии, посвящ. 30-летию воссоединения Зап. Белоруссии с БССР / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Отд-ние обществ. наук АН БССР. М-во высш. и сред. спец. образования БССР. Мин. высш. парт. школа. – Минск: Беларусь, 1971. – 70 с.
7. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 292. Оп. 1. Д. 1.
8. ГАБО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 1а.
9. Гісторыя Беларускай ССР : в 5 т. Т. 4. : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938 – 1945 гг.) / Мінск: Навука і тэхніка, 1975. 640 с.
10. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1990. 430 с.
11. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГО). Ф. 6218. Оп. 1. Д. 74. Л. 11.
12. Гриф секретности снят: Потери вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. 416 с.
13. Данилович, В.В. Ключевые положения национальной концепции отечественной истории // Государственная политика в сфере истории: проблемы и перспективы сохранения исторической правды и памяти : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 сент. 2023 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редкол.: И. П. Сергеенко, В. Г. Гусаков [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2024. 241 с.
14. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы : в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1973. С. 138–140.
15. Звезда. 26 кастрычніка. 1939 г.
16. Каваленя, А. Савецка-германскія дагаворы ў кантэксте крызісу міждзяржаўных адносін у Еўропе (1938–1939 гг.) // Назаўсёды разам. Да 60-годдзя ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1999.
17. Книга памяти. Российская Федерация : в 10 т. Т. 1: 1923-1939. Т. 1 : [Посвящ. памяти воинов, погибших и пропавших без вести в период ведения боевых действий на КВЖД, у оз. Хасан, на р. Халкин-Гол, в Китае, Испании, Зап. Украине и Зап. Белоруссии / Кривошеев Г.Ф. (рук.) и др. – М.: Патриот, 1998. – 726 с.

18. Кривошеин, С.М. Междубурье. Воспоминания. Белгород–Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1964. 279 с.
19. Літвін, А. Армія Краёва на Беларусі: да праблемы вывучэння // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 1. С. 65–73.
20. Ладыеў, У. Падзеі верасня – кастрычніка 1939 года ў лёсе беларускага народа // Назаўсёды разам. Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1999. С. 88–89.
21. Ладыеў, У.Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917 – 1939 гг.) / Ладыеў У.Ф., Брыгадзін П.І. – Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2003. 307 с.
22. Мельтюхов, М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918 – 1939 гг. М.: Вече, 2001. 460 с.
23. Мельтюхов, М.И. Советский Союз и политический кризис 1939 года/ Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин и др. М.: Вече, 2009. С. 164–193.
24. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13541.
25. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14520.
26. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14623.
27. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14563.
28. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14730.
29. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2078.
30. Народное (Национальное) собрание Западной Белоруссии. Стенографический отчет / Под ред. В.Н. Малина. – Минск : Гос. изд-во БССР, Ред. полит. лит., 1946. 194 с.
31. Нарочницкая, Н.А. «Концерт великих держав» накануне решающих событий // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин и др. М.: Вече, 2009. С. 8–31.
32. Нарысы гісторыі Беларусі : в 2 ч. Ч. 2. М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі і інш.; Інстытут гісторыі АНБ. – Мінск: Беларусь, 1995. 560 с.
33. Нечарговая трэцяя сесія Вярхоўнага Савета БССР, 12 – 14 лістапада 1939 г. Мн., 1940.
34. Норден, А. Так делаются войны. О закулисной стороне и технике агрессии. М.: Прогресс, 1972. 391 с.
35. Парсаданова В.С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. – 1997. – №7. С. 13–31.
36. Партии помощник боевой : (Доклады науч.-теорет. конференции по вопросам истории комсомола Белоруссии, посвящ. 50-летию ВЛКСМ) / Под общ. ред. д-ра ист. наук А.Е. Журова и канд. философ. наук Л.В. Уварова. – Минск, 1968. 287 с.
37. Полуян, И.В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса, 1929–1939 гг. Под ред. М. П. Костюка. Минск : Наука и техника, 1991. 205 с.
38. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939 – 1954 гг.) : монография / Ситкевич С.А., Сильванович С.А., Барабаш В.В., Рыбак Н.А.; научные редакторы: И.И. Ковкель, С.А. Ситкевич; Гродненский государственный аграрный университет – Гродно: ГрГАУ, 2004. 344 с.
39. Польша – Беларусь (1921–1953 гг.) : сб. документов и материалов. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь ; [сост. А.Н. Вабищевич и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2012. 420 с.
40. Правда. 1939. 4 ноября.

41. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014.
42. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014.
43. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35086. Оп. 1. Д. 4.
44. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.
45. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. Кн. 2. / А. А. Коваленя и др. ; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) и др. – Минск: Беларуская навука, 2014. 333 с.
46. Сетов, Р.А. Тектоника войны. 1939 год. М.: МАКС Пресс, 2019. 343 с.
47. Сизов, А.Н. К 70-летию со дня подписания советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года // Военно-исторический журнал. – 2009. – №8. С. 34–36.
48. Случ, З.С. Германия и СССР 1933-1939: от программной установки до тактической уловки// Славяноведение. – 2019. – № 5. С. 37–57.
49. Советская Белоруссия. 1940. 21 ноября.
50. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы / Редколлегия: А.А. Громыко [и др.] ; [Предисл. акад. В.М. Хвостова]; М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1971. 736 с.
51. Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры Белорусской ССР к началу Великой Отечественной войны. [под ред. Захарова И.А. и Пронина М.С.]. – Минск: Совет народных комиссаров Белорусской ССР, 1943. 230 с.
52. Суржик, Д. Политэкономия мюнхенского предательства // Мюнхен-1938. Падение в бездну Второй мировой. Под общ. ред. В.Ю. Крашенинковой. – М.: Кучково поле, 2018. С. 124–137.
53. Сямашка, Я.І. Армія Краёва на Беларусі. Мінск: Беларускае выдавецкае Таварыства "Хата", 1994. 269 с.
54. Токарев, В.А. Советский культурный ландшафт в тени пакта Молотова-Риббентропа (1939-1941 гг.) // Российская история. – №5. – 2012. С. 61 – 73.
55. Фалин, В.М. К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией/ Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин и др. М.: Вече, 2009. С. 32–101.
56. Харченко, О. Организация церковной жизни в Западной Беларуси (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) // *Biatoruskie Zeszyty Historyczne*. Беларускі гістарычны зборнік. – 2010. – № 33. С. 138–149.
57. Хацкевич, А. Узлы развязывает время. Формирования польской Армии Крайовой на территории западных областей Белоруссии (1943–1944 гг.) // Неман. – 1994. – № 1. С. 136–150.
58. Хлевнюк, О. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ Corpus, 2015. 461 с.
59. Царюк, И. В семье единой. Мн., 1969. 111 с.
60. Центральный архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (ЦАКГБРБ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 33.
61. ЦАКГБРБ. Дело № 15363.
62. Шкаровский, М.В. Православие при социализме // URL: www.cat.convdocs.org/docs/index-108916.html (дата обращения: 10.01.2014).
63. Шубин, А.В. На пути к пакту 1939 года: сложности и противоречия советско-германского сближения / Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин и др. – М.: Вече, 2009. С. 120 – 163.
64. Щит и меч Отечества : о становлении, развитии, совершенствовании белорусских спецслужб / Под общей редакцией С. Н. Сухоренко. – Минск: Международный центр интеграционной информации Общественный пресс-центр Дома прессы, 2006. 339 с.

65. Ярмусик Э.С. Католический Костёл в Беларуси в годы Второй мировой войны (1939–1945). – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2002. 240 с.
66. Dzwonkowski, R. SAC. Religia i Kosciot katolicki w ZSRS 1917–1991. Kronika. Lublin, 2010. 606 s.
67. Gregorowicz, S. Polska – ZSRR: stosunki polityczne. 1925 – 1939. Warszawa, 1995. 230 s.
68. Encyklopedia Wojskowa. T. I. Warszawa, 2007.
69. Lisewski, K. Wojna polska-sowiecka 1939. Londyn, 1988.
70. Mały rocznik statystyczny. Warszawa, 1939.
71. Międzynarodowe tle agresje Rzeczy Niemieckie na Polske w 1939 roku. Warszawa, 1986.
72. Zmowa: IV rozbiór Polski. Warszawa, 1990.

Об авторах

Данилович Вячеслав Викторович, заместитель председателя постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, доктор исторических наук, доцент, AuthorID: 1125489, Danilovich-VV@house.gov.by

Солопова Оксана Вячеславовна, заместитель декана, руководитель учебно-научного направления «Белорусоведение, история Беларуси и белорусской диаспоры» и лаборатории истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент, AuthorID: 440855, ORCID: 0009-0002-3675-5766, o.v.solopova@hist.msu.ru

THE REUNIFICATION OF WESTERN BELARUSIAN LANDS WITH THE BSSR IN 1939: POLITICAL CONTEXT AND HISTORICAL CONDITIONALITY

Part I

Danilovich V.V.¹, Solopova O.V.²

¹National Assembly of the Republic of Belarus

²Lomonosov Moscow State University

Abstract

The period from 1921 to 1939, when the lands of the West Belarusian region were incorporated into the Polish state by force of arms, is interpreted in modern historiography as a tragedy of national disunion of the Belarusian people. In the BSSR during this period the process of nation-state building within the USSR was going on. And the West Belarusian lands remained in the position of the agrarian and raw materials region of the Polish state, experiencing economic difficulties, facing national and confessional oppression. Therefore, the reunification of the West Belarusian lands and the BSSR was perceived by the local population as an act of historical justice.

The presented article consists of two parts. The first part of the research is devoted to the analysis of the reasons and prerequisites of the conclusion of the German-Soviet non-aggression pact of 1939, its results and consequences. The geopolitical conditions in which the decision to sign this document was made are characterized in detail, its assessment is given with regard to the international political practice of that time, and the significance of this document for the Soviet state is considered.

The second part of the article is devoted to the analysis of the events connected with the liberation campaign of the Red Army in September - October 1939, as a result of which the reunification of the Western Belarusian lands and the BSSR became possible. The course of events preceding the cam-

paign, its causes, preconditions, stages, the process of establishing Soviet power in the returned territories, the corresponding administrative, socio-political, social structure in the West Belarusian lands, as well as the significance of the events for the USSR and the subsequent development of Belarusian statehood are analyzed in detail.

Keywords

reunification of the West Belarusian lands and BSSR, history of the Second World War, USSR, BSSR, act of historical justice, German-Soviet non-aggression pact, Ribbentrop-Molotov pact